ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ФОТОГРАФИЯХ

Архив ИИМК
Фонд №
Арх. № лист

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Monuments of archaeology in studies and photographs

(in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya)

St. Petersburg | 2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях

(памяти Галины Вацлавны Длужневской)

Санкт-Петербург | 2018

УДК 902/904
ББК 63.4

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Approved for printing by the Scientific Council of the Institute for the History of Material Culture RAS

Редколлегия:
М. В. Медведева, Н. Ю. Смирнов (отв. редактор), Н. А. Лазаревская (отв. секретарь), Д. Г. Савинов, В. Н. Седых, М. Т. Кашуба

Editorial Board:
M. V. Medvedeva, N. Yu. Smirnov (Managing Editor), N. A. Lazarevskaya (Managing Secretary), D. G. Savinov, V. N. Sedykh, M. T. Kashuba

Рецензенты:
д.и.н. Ю. А. Виноградов, д.и.н. В. А. Лапшин

Reviewers:
Dr. of History Yu. A. Vinogradov, Dr. of History V. A. Lapshin

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). Сборник научных статей. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2018. – 328 с. : ил.

Monuments of archaeology in studies and photographs (in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya). Collection of scientific papers. – Saint Petersburg: IHMC RAS, 2018. – 328 pages : il.

ISBN 978-5-907053-08-3

Сборник посвящен памяти известного российского археолога, доктора исторических наук, зав. Научным архивом ИИМК РАН Галины Вацлавны Длужневской (1946–2014). Памяти Г. В. Длужневской было посвящено специальное открытое заседание Ученого Совета ИИМК РАН (23 марта 2016 г.), собравшее полный зал участников, друзей и коллег Галины Вацлавны. Дальнейшим развитием этой благородной акции должно стать издание настоящего сборника, освещающего основные стороны многогранной научной и организационной деятельности Г. В. Длужневской. В творческой судьбе Галины Вацлавны отчетливо выделяются два периода. Первый — многолетние полевые исследования в Туве (ныне Республика Тыва), специальное изучение археологических памятников енисейских кыргызов в этнокультурной истории Центральной Азии и Сибири. Второй — активная творческая деятельность по руководству Научным архивом ИИМК РАН, изучение и популяризация фотографии как важнейшего вида археологических источников. Тот и другой периоды достаточно полно представлены в материалах настоящего Сборника, композиционно состоящего из трех частей. Часть I (меморативная) — воспоминания друзей и коллег о жизни и деятельности Галины Вацлавны, часть II посвящена проблемам археологии Центральной Азии и Сибири, в части III рассмотрены вопросы историографии и изучения фотографии как археологического источника. Публикация сборника — дань памяти Галине Вацлавне Длужневской, отдавшей 50 лет своей жизни и активной творческой деятельности Институту (ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН).

The collection is dedicated to the memory of the prominent Russian archaeologist, Director of the Scientific Archives of IIMK RAS, Dr. of History Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014). To the memory of G. V. Dluzhnevskaya, a special broadened session of the Scientific Council of IIMK RAS was dedicated (March 23, 2016) which assembled the full audience of the participants — friends and colleagues of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya. This noble action was further continued in the publication of the present collection covering the main aspects of the many-sided scientific and organizational activities of G. V. Dluzhnevskaya. Two periods are clearly definable in the creative biography of Dluzhnevskaya. The first comprises field investigations of many years in Tuva (now the Republic of Tyva) devoted to special studies of archaeological sites of the Yenisey Kyrgyzes as part of the ethnocultural history of Central Asia and Siberia. The second period is concerned with the extensive creative activities at the Scientific Archives of IIMK RAS, studying and popularization of photography as a very important group of archaeological sources. The two periods both are fairly well represented among the materials of the present collection consisting compositionally of three parts. Part I (memorial) includes reminiscences of friends and colleagues about the life and scientific studies of G. V. Dluzhnevskaya. Part II is dedicated to problems of archaeology of Central Asia and Siberia. Part III discusses questions of historiography and consideration of photography as an archaeological source. This publication is a tribute to the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya, who had devoted 50 years of her life and active creative activities to the Institute (Leningrad Branch of the Institute of Archaeology AS USSR — Institute for the History of Material Culture RAS).

ISBN 978-5-907053-08-3

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018
Institute for the History of Material Culture RAS, 2018

© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2018
Authors of the papers (names are marked in the contents), 2018

Содержание

Список опубликованных научных работ Галины Вацлавны Длужневской (*Л. М. Всевиов, М. В. Медведева*) 9

Биография Г. В. Длужневской в фотографиях 20

С. И. Сергеев. Живописные работы тувинского цикла 24

ЧАСТЬ I. Друзья и коллеги о Галине Вацлавне Длужневской 30

Е. В. Бобровская, Т. А. Ершова, Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева. Галина Вацлавна Длужневская (1946–2014). Научно-исследовательская деятельность и документальное наследие 30

С. Н. Астахов. Сквозь тернии к звездам 35

Б. Б. Овчинникова. С уважением, любовью и благодарностью... 38

Вл. А. Семенов. Галина Вацлавна Длужневская в Саянском каньоне Енисея 41

С. А. Васильев. Несколько слов о Гале Длужневской 45

А. В. Субботин. Мои воспоминания о Г. В. Длужневской 47

Л. А. Чиндина. Благодарю, что по судьбе прошла... 51

А. О. Машезерская. Архив возможных отношений 56

А. В. Максимова. Совместные проекты Фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук и Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО 58

Д. Д. Васильев, Г. В. Длужневская (†). Крымский альбом, изданный в Турции 63

ЧАСТЬ II. Археология Центральной Азии и Южной Сибири 69

Д. Г. Савинов. Окуневские изваяния Усть-Есинская Кыс-Таш и Ар-Хая (опыт источниковедческого анализа) 69

К. В. Чугунов. Центральная Азия накануне эпохи ранних кочевников 79

М. Е. Килуновская. Новые материалы по монгун-тайгинской культуре Тувы 86

А. А. Ковалев. Захоронения оленных камней в подкурганных могилах Синьцзяна — новый аргумент в пользу синьцзянского происхождения европейских изваяний предскифского периода 96

М. А. Дэвлет, Е. Г. Дэвлет (†). Петроглифы левобережья р. Чинге. Гора Устю-Мозага 104

М. Н. Пшеницына. Золотые украшения из кургана 2 в могильнике Новомихайловка I на юге Хакасии 113

С. В. Хаврин. О составе сплава золотых украшений из кургана 2 могильника Новомихайловка I (Хакасия) 117

В. А. Кисель. Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы 120

С. В. Красниенко. География археологических памятников Назаровской котловины 128

С. В. Панкова. Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника 132

Т. Р. Садыков. Новые данные о городище кокэльской культуры Катылыг 5 в Туве 140

П. М. Леус. Монета «чан пин у шу» 553 года из могильника Терезин в Туве 145

Б. Б. Овчинникова. Могильник Аймырлыг 2 — наследие енисейских кыргызов Центральной Тувы 149

Г. Г. Король. Декор ременной гарнитуры енисейских кыргызов Тувы и исследования Г. В. Длужневской 156

В. А. Завьялов. От Саянского каньона до истоков Енисея
(к вопросу о строительстве и локализации уйгурских крепостей) 163

В. И. Распопова. Войлок и мех в живописи Пенджикента 168

А. И. Торгоев, Д. В. Лужанский. Средневековый могильник Сары-Жолга на оз. Иссык-Куль 178

ЧАСТЬ III. История науки в документах и фотографиях 185

И. Л. Тихонов. О роли фотографии в изучении истории археологии 185

Е. В. Бархатова. Приглашение в Сибирь: ранний фотопроект книгопродавца Карла Рикерра 194

М. Д. Бухарин, И. В. Тункина. «…Мне пришлось видеть много людей разных вер и наций…»:
Письмо В. М. Успенского Д. А. Клеменцу 200

Л. Ю. Китова, Л. Ю. Боброва. Археологическая деятельность С. К. Кузнецова в Сибири 205

Е. Ю. Захарова. Археологические занятия барона Дмитрия Оттоновича Шеппинга на Воронежской земле 212

В. А. Алёкшин. Парижские университеты А. А. Миллера
и его контакты во Франции с Ф. К. Волковым (1901–1905) 219

Н. Ю. Смирнов, П. Г. Гайдуков. Переписка из двух столиц:
1917 год в письмах А. В. Орешникова к В. В. Латышеву 227

А. Е. Мусин. Императорская археологическая комиссия и Польша: материалы по истории церкви Благовещения
в Супрасле в архиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге 240

Н. Д. Моисеева. Поездка Петра Петровича Покрышкина в Сербию. Фотографии и открытые письма 264

В. Н. Седых. Из истории археологического изучения Ярославских могильников в дореволюционный период
(по материалам НА ИИМК РАН) 270

С. В. Белецкий. Неизвестные фотографии Пскова 1946 года 280

Н. И. Платонова. Исследования в области археологической технологии
в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы) 285

О. М. Мельникова. Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани:
на переломе исторических эпох (1917–1921 гг.) 294

В. С. Соболев. «Приходно-расходная тетрадь» И. Г. Бакмейстера как источник
по истории Кунсткамеры. 1776–1783 гг. 300

В. А. Прищепова. Белуджи, джемшиды, хазарейцы Туркмении в фотоколлекциях 1920-х гг. 303

А. Н. Бессуднов. Страницы истории верхнедонской археологии
(по материалам полевых дневников В. П. Левенка) 313

Н. Ю. Смирнов. От степных кочевий — к обретенным храмам… Послесловие редактора 318

Список сокращений 322

Contents

List of published scientific works of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (*L. M. Vseviov, M. V. Medvedeva*) 9

Biography by Galina V. Dluzhnevskaya in photos 20

S. I. Sergeev. Paintings of the Tuva cycle 24

PART I. Friends and colleagues about Galina Vatslavna Dluzhnevskaya 30

E. V. Bobrovskaya, T. A. Ershova, N. A. Lazarevskaya, M. V. Medvedeva. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014). Scientific research activities and the documentary heritage 30

S. N. Astakhov. Per aspera ad astra 35

B. B. Ovchinnikova. With esteem, love and gratitude... 38

Vl. A. Semenov. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya in the Sayan Canyon of the Yenisey 41

S. A. Vasil'yev. A few words about Galina Dluzhnevskaya 45

A. V. Subbotin. My recollections about G. V. Dluzhnevskaya 47

L. A. Chindina. I am thankful for having passed via my fate... 51

A. O. Mashezerskaya. Archives of possible relations 56

A. V. Maksimova. Joint projects of the Photographic Department of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and the State Museum Exposition Centre ROSFOTO 58

D. D. Vasil'yev, G. V. Dluzhnevskaya (†).The Crimean album published in Turkey 63

PART II. Archeology of Central Asia and South Siberia 69

D. G. Savinov. Ust-Yesinskaya Kys-Tash and Ar-Khaya Okunevo sculptures (an essay on source study analysis) 69

K .V. Chugunov. Central Asia on the eve of the Early Nomad Period 79

M. E. Kilunovskaya. New evidence on the Mongun-Tayga culture of Tuva 86

A. A. Kovalev. Burials of deer stones in sub-kurgan graves in Xinjiang as a new argument in favour of the Xinjiang origin of European sculptures of the pre-Scythian period 96

M. A. Devlet, E. G. Devlet (†).Petroglyphs from the left bank of the Chinge River. Mt. Ustyu-Mozaga 104

M. N. Pshenitsyna. Gold ornaments from the barrow 2 in the cemetery of Novomikhaylovka I in southern Khakassia 113

S. V. Khavrin. Composition of the alloy of gold ornaments from kurgan 2 at the cemetery of Novomikhaylovka I (Khakassia) 117

V. A. Kisel'. Female ritual costume in the ancient nomadic culture of Tuva 120

S. V. Krasnienko. Geography of archaeological sites in the Nazarov Depression 128

S. V. Pankova. Plaits from burial 4 at the Oglakhty cemetery 132

T. R. Sadykov. New evidence on the fortified site of Katylyg 5 of the Kokel culture in Tuva 140

P. M. Leus. 'Chang Ping Wu Zhu' coin of 553 AD from the cemetery of Terezin in Tuva 145

B. B. Ovchinnikova. Cemetery of Aymyrlyg 2 — heritage of Yenisei Kyrgyzs of Central Tuva 149

G. G. Korol. The décor of strap mounts of the Yenisey Kyrgyzs of Tuva and studies of Galina V. Dluzhnevskaya 156

V. A. Zav'yalov. From the Sayan Canyon to the sources of the Yenisey
(the problem of building andlocalization of Uigur fortresses) 163

V. I. Raspopova. Felt and fur in the paintings of Panjakent 168

A. I. Torgoev, D. V. Luzhanskiy. Mediaeval cemetery of Sary-Zholga on Lake Issyk-Kul 178

PART III. The history of science in documents and photographs 185

I. L. Tikhonov. Role of photography in studies of the history of archaeology 185

E. V. Barkhatova. Invitation to Siberia: an earlier photoproject of the bookseller Carl Ricker 194

M. D. Bukharin, I. V. Tunkina. "...I happened to meet many persons of different faiths and nations...".
A letter of V. M. Uspenskiy to D. A. Clementz 200

L. Yu. Kitova, L. Yu. Bobrova. Archaeological activities of S. K. Kuznetsov in Siberia 205

E. Yu. Zakharova. Archaeological ardours of Baron Dmitriy Ottonovich Shepping in the Voronezhland 212

V. A. Alyokshin. Parisian universities of A. A Miller
and his contacts with F. K. Volkov in France (1901–1905) 219

N. Yu. Smirnov, P. G. Gaydukov. Correspondence from two capitals:
1917 in letters of A. V. Oreshnikov to V. V. Latyshev 227

A. E. Musin. The Imperial archaeological commission in Russia and Poland: information on the history
on the Church of the Annunciation of the Mother of God, Supraśl, in the archives of the Institute
of the History for Material Culture, Russian Academy of Sciences, in Saint-Petersburg 240

N. D. Moiseeva. Petr Petrovich Pokryshkin's trip to Serbia. Photographs and postcards 264

V. N. Sedykh. A point of the history of archaeological studies of Yaroslavl burial grounds in the pre-revolutionary
period (after materials of the Scientific Archives of IIMK RAS) 270

S. V. Beletskiy. Unknown photographs of Pskov of 1946 280

N. I. Platonova. Studies in the sphere of archaeological technology in RAIMK/GAIMK (1920–1930s) 285

O. M. Mel'nikova. North-Eastern Archaeological and Ethnographical Institute in Kazan:
at the turning point of historical epochs (1917–1921) 294

V. S. Sobolev. 'Receipt/housekeeping notebook' of I. G. Bacmeister as a source
on the history of the Kunstkammer. 1776–1783 300

V. A. Prishchepova. Baluchis, Jemshids, Khazareis of Turkmenia in photographic collections of the 1920s 303

A. N. Bessudnov. Pages of the history of the Upper Don archaeology
(Materials from the field journal of V. P. Levenok) 313

N. Yu. Smirnov. From steppe nomads' camps to temples gained... Afterword of the editor 318

List of Abbreviations 322

В. А. Кисель[1]

Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы

Ключевые слова: *археология, этнография, кочевники, Тува, могильник Догээ-Баары, женский костюм, реконструкция.*

Keywords: *archaeology, ethnography, nomads, Tuva, cemetery of Dogee-Baary, female costume, reconstruction.*

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-120-127

Восстановление костюмов прошлого представляет собой интереснейшую проблему истории, археологии и этнографии. На эту тему написано немало трудов, однако многое еще остается непонятым. В данной статье будет сделана новая попытка реконструкции одеяния представительницы древнего кочевого мира.

В 2010 г. Тувинская археолого-этнографическая экспедиция МАЭ РАН, проводя раскопки на могильном поле Догээ-Баары в Республике Тыва под г. Кызыл, исследовала непотревоженное грабителями погребение — Догээ-Баары 2, курган № 33. Оно располагалось в кургане уюкско-саглынской культуры и относилось к концу III–II в. до н. э. (*Кисель*, 2011. С. 207–217). Сам курган представлял собой грунтовую насыпь, обложенную камнями, в центре которой некогда возвышался пирамидальный памятник, возведенный из плит и рваных камней. В кургане находились четыре могилы. Особое внимание привлекла центральная, где в срубе было совершено коллективное захоронение: два мужчины, женщина и младенец.

Несмотря на то что некоторые предметы сопроводительного инвентаря истлели или были сломаны из-за тяжести камней просевшего намогильного сооружения, уцелевшие вещи составили внушительный набор. Наибольшее количество находок располагалось на женском скелете и возле него. В районе черепа размещались две золотые проволочные серьги, четыре железные булавки с обложенными золотом шаровидными навершиями, пять золотых трубочек, три подтреугольные золотые накладки с изображениями сдвоенных голов оленей, пять подпрямоугольных и семь ромбовидных золотых накладок, семь (?) ромбовидных слюдяных пластинок, около 100 цветных стеклянных бисерин. Ниже находились 163 аргиллитовые бусины, 28 сердоликовых, бирюзовых и стеклянных бусин, золотое проволочное колечко. В районе пояса погребенной лежали бронзовые двукольчатая и пятикольчатая пряжки, железные нож и шило, костяная трубка с выгравированными четырьмя головами ланей (?), раковина каури, фрагменты красного лака, а в ногах — бронзовое зеркало с боковой ручкой в виде животного[2].

Находки, располагавшиеся возле черепа, позволили реконструировать головной убор. Судя по составу тлена, предмет был изготовлен из войлока и ткани. По-видимому, он имел цилиндрическую или конусовидную форму. Пара булавок-шпилек возле висков женщины закрепляла края убора на прическе. Две другие булавки, расположенные крест-накрест, были воткнуты сверху, возможно, удерживая косу, поднятую вертикально над головой. Не исключено, что убор состоял из двух частей: небольшая шапка и трубка-накосник. Размещение верхней пары булавок в 40 см от черепа зафиксировало общую высоту убора. Лицевая часть предмета была орнаментирована золотыми и слюдяными пластинками, накладками с изображениями голов оленей, цветным бисером. Золотые трубочки и бирюзовые бусины, очевидно, крепились к нижней части убора (рис. 1).

Другой значительный элемент костюма находился в области груди и живота женщины. Он восстанавливается по скоплению бусин и пряжек. Расположение большинства бусин поверх ребер и позвонков указывало на изделие, определенно носившееся спереди. Вряд ли это были низки бус или комплект ожерелий,

1 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Отдел хранения фондов. Адрес электронной почты: kisel@kunstkamera.ru.

2 Точно определить животное не удалось, так как из-за производственного брака отсутствовала голова. На зеркале из Горного Алтая (Ала-Гаил, курган № 19) имеется аналогичный недолив металла (*Мартынов и др.*, 1985. С. 157, 161, рис. 8, *3*). Судя по публикации, совпадение алтайского зеркала с предметом с Догээ-Баары настолько полное, что позволяет предположить изготовление их по одной модели. Кстати, в кургане, откуда происходит алтайское зеркало, на погребенной женщине была шапка, украшенная золотыми нашивками, пластинкой с изображением оленя и костяными бусинами. В набор входила и бронзовая булавка.

Рис. 1. Головной убор погребенной женщины (реконструкция). Республика Тыва. Могильник Догээ-Баары 2, курган № 33. Конец III–II в. до н. э. (рисунок Е. В. Степановой).

Fig. 1. Headdress of the buried woman (reconstruction). Republic of Tyva. Cemetery of Dogee-Baary 2, kurgan no. 33. Late 3rd–2nd century BC (drawing by E. V. Stepanova).

поскольку площадь, занимаемая бусинами, составляла около 1 кв. м. Скорее всего, здесь размещался нагрудник. Предмет мог быть сшит из кусков кожи, шкуры или ткани и декорирован бусинами. Возможно, присутствовали вышивка или аппликации.

Таким образом, археологическая ситуация в кургане Догээ-Баары продемонстрировала доминирующие элементы в костюме погребенной женщины — головной убор и нагрудник. Дополнительную информацию для предлагаемой реконструкции может дать привлечение материалов некоторых других археологических памятников.

Наиболее ранняя аналогия упомянутым деталям костюма происходит из кургана Аржан-2 в Туве (вторая половина VII в. до н. э.). «Царица», похороненная в этом кургане, имела высокий головной убор, закрепленный на прическе двумя золотыми булавками, а также полукруглый нагрудник, расшитый золотыми и бирюзовыми бусинами (*Čugunov u.a.*, 2010. Abb. 226)[3].

В более позднее время типологически близкие головные уборы известны на Алтае. В Пятом Пазырыкском кургане (IV–III вв. до н. э.) был найдена деревянная шапка, обтянутая кожей. Она представляла собой низкий цилиндр, на котором в вертикальном положении размещался жгут из конского волоса. Две косы владелицы убора, продетые сквозь отверстия по бокам цилиндра, сплетались со жгутом. Волосяную конструкцию удлиняла накладная коса из человеческих волос и шерстяных нитей, скрепленная железной булавкой (*Руденко*, 1953. С. 123, 129–130, табл. XXVI, *2*).

Пазырыкский убор был запечатлен в произведениях торевтики. На парных золотых бляхах из Сибирской коллекции Петра I («Отдых в пути») изображена женщина в сходной шапке (*Руденко*, 1962. Табл. VII, *1*). Показана и аналогичная прическа: одна боковая коса (голова изображена в профиль) соединена с косой на темени, поднятой высоко вверх.

Возможно, вытянутая форма женских головных уборов древних кочевников диктовалась необходимостью закрепления кос в вертикальном положении. Зависимость очертаний шапок от укладки волос выявил еще Д. К. Зеленин, писавший, что «головной убор женщины большей частью тесно, органически связан с ее прическою, являясь как бы дополнением этой последней» (*Зеленин*, 1926. С. 304).

Составной кожано-деревянный предмет из Пятого Пазырыкского кургана внешне напоминает «парики», найденные в других памятниках пазырыкской культуры. Эти изделия состояли из войлочной шапки, покрытой конским волосом и мастикой из глины, жира, муки и сажи, с отверстием на темени. Сверху крепились пучок волос и войлока, помещенный в красный шерстяной чехол с воткнутой в него булавкой, и длинная палка, обтянутая войлоком и черной шерстяной тканью, часто украшенная деревянными птицами. «Парики» обычно дополнялись тремя деревянными или матерчатыми накосниками (*Полосьмак*,

3 Вероятно, сходный нагрудник находился в сопроводительном женском погребении (Аржан-2, могила № 13А).

2001. С. 143–154; *Дашковский, Усова*, 2011. С. 82–83). По мнению Н. В. Полосьмак, в пазырыкской культуре было принято, чтобы женщины брили головы и носили «парики». Однако, скорее всего, эти наголовья применялись исключительно при погребении в качестве замены реального убора и прижизненной прически умершей.

В древности на Алтае бытовали и нагрудники[4]. В кургане № 2 могильника Уландрык IV (III в. до н. э.) возле нижних ребер женского скелета среди кусков кожи и шерстяной ткани было обнаружено более 10 деревянных бляшек, обтянутых золотым листом (*Кубарев*, 1987. С 187–189). Бляшки могли обрамлять нижний край истлевшего нагрудника. Но основным доказательством является находка из Большого Катандинского кургана (III–II вв. до н. э.) — целиком сохранившийся нагрудник. Он представлял собой полукруглый меховой предмет, отделанный шелком и золотой пластиной. К нему были пришиты 4 завязки и шелковые ленты с деревянными фигурками фантастических коней (*Киселев*, 1951. С. 341–342).

В ряде памятников тагарской культуры Хакасско-Минусинской котловины также фиксируются нагрудники. В погребениях могильников Тисуль и Ягуня (IV–III вв. до н. э.) на женских костяках от ключиц к тазу размещались широкие параллельные дуги из бронзовых и каменных бусин. По всей видимости, они отмечали нагрудники (*Мартынов*, 1979. С. 29, рис. 14).

Самое большое число параллелей костюму из кургана Догээ-Баары представлено в материалах могильника Суглуг-Хем в Туве (II–I вв. до н. э.). В этих захоронениях был открыт особый вариант женского головного убора — берестяная конусовидная шапка высотой 40 см, увенчанная деревянным накосником и железной шпилькой в золотой обкладке (*Семенов*, 2003. С. 21, табл. 29, *17*). К тому же с Суглуг-Хема происходят аргиллитовые, сердоликовые и бирюзовые бусины тех же форм, что и с Догээ-Баары. Бусины размещались вместе с бисером, раковинами каури и пятикольчатыми пряжками (*Семенов,* 2003. С. 15, 18, 20–21, 28, 35). Относительно неплохая сохранность суглуг-хемских погребений позволила установить, что пряжки и раковины каури являлись принадлежностями пояса (Суглуг-Хем I, сруб № 23, 28). Аргиллитовые же бусы использовались в качестве декоративных деталей поясов, шейных и нагрудных украшений. Это позволяет заключить, что у женщины, похороненной на Догээ-Баары, имелся пояс с пятикольчатой пряжкой, расшитый бусинами. К поясу с помощью ремешков и двукольчатой пряжки были подвешены костяная трубочка, зеркало и футляр с ножом и шилом. Особой деталью выступала раковина каури, служившая, судя по этнографическим материалам, оберегом (*Михайлова*, 2005. С. 103–104; *Руденко*, 2006. С. 277–278).

В нескольких погребениях Суглуг-Хема (Суглуг-Хем I, сруб № 25, 27, 28; Суглуг-Хем II, сруб № 6) скопления бус — вероятные остатки нагрудников — находились вместе с берестяными конусами и железными булавками. Такое повторяющееся сочетание дает возможность сделать вывод об устойчивой костюмной паре, бытовавшей у древних кочевников Тувы[5].

Уточнить культурное значение реконструируемых элементов костюма помогают этнографические источники. Тюрко/монголоязычные народы, став доминирующей силой в евразийском поясе степей, заимствовали целый ряд достижений ираноязычных кочевников. Это затронуло и одежду. Так, к тюркским народам перешли высокие головные уборы. До недавнего времени тюркские женщины практически повсеместно носили богато орнаментированные цилиндрические и конусовидные шапки. Наиболее известны казахские и каракалпакские саукеле — простеганные ватные или шерстяные колпаки высотой до 70 см с назатыльной и наушными лопастями. Саукеле обычно обшивались красной тканью и украшались металлическими бляшками, кораллами, сердоликами, вышивкой. Нередко сверху крепился пучок перьев (*Курылев*, 1998. С. 65; *Попова*, 2002. С. 136–139).

Типологически близкими саукеле были ногайские теке-берк, киргизские шокуло, туркменские шовкеле, башкирские и татарские кашмау и келепуш, чувашские тухья, балкарские и карачаевские алтынбаш, келин берк. Эти уборы, как правило, конической формы, снабжались набивной подкладкой и обшивались тканями красного цвета. Они декорировались монетами, бляшками, кораллами, жемчугом, перламутром, бисером, парчой, а иногда и перьями (*Антипина*, 1962. С. 249–250; *Руденко*, 2006. С. 162–166).

У монгольских народов бытовали бокка (боктаг, гу-гу), представлявшие собой полусферическую шапку, увен-

4 По мнению С. И. Руденко и С. А. Яценко, пазырыкскими нагрудниками являлись продолговатые и закругленные лопасти из шкур (*Руденко,* 1953. С. 115–116; *Яценко,* 2006. С. 88). Впрочем, скорее всего, эти изделия служили «хвостами» специфических шуб (*Полосьмак,* 2001. С. 132). Украшением одного из таких «хвостов» могла быть бронзовая с wзолотым покрытием пластина из Первого Туэктинского кургана, обычно интерпретируемая как накладка нагрудника (*Руденко,* 1960. С. 119; *Яценко,* 2006. С. 88).

5 Если цилиндрические и конусовидные формы женских головных уборов восстанавливаются вполне определенно, то каких очертаний было большинство нагрудников, пока не ясно.

чанную берестяным или деревянным цилиндром с расширением наверху. Они обтягивались шелком, чаще всего красного цвета, и отделывались металлическими бляшками, золотой проволокой, жемчугом, драгоценными камнями, бисером. Нередко над бокка возвышался ивовый, бамбуковый или железный прут, к которому крепились перья (*Додэ*, 2008. С. 53–57).

С подобными уборами были знакомы и народы Кавказа. Так, чеченки и ингушки носили чугул, курхарс — шапки с берестяной трубкой, изогнутой ко лбу женщины. Предмет целиком обшивался тканью и декорировался кораллами (*Студенецкая*, 1989. С. 57–60). Параллели отыскиваются и в славянской среде, где фигурировали кички, рога, кибалки, сороки, кокошники, выделявшиеся роговидными выступами. При изготовлении этих уборов использовались дерево, луб, простеганный холст, а для отделки — золотая парча, серебряные цепочки, самоцветы, жемчуг, бисер (*Зеленин*, 1927. С. 322–326, 328, 330, 535–543).

Нельзя не отметить, что в этнографическое время традиционные прически женщин претерпели существенное изменение. Несмотря на то что преобладающим вариантом остались косы, их перестали поднимать вверх, пропуская через головной убор, а начали укладывать кольцом на голове или опускать вниз.

Нагрудники, подобно головным уборам, широко распространились у тюркских народов. Самым ранним свидетельством являются древнетюркские каменные изваяния (*Веселовский*, 1915. Табл. IV, *13*, V, *20*, VII, *25, 27*, XI, *1, 4, 6*, XII, *8, 9*, XIII, *17*; *Ермоленко*, 2004. С. 33). Позднее нагрудники известны у татар, киргизов, башкир, хакасов, шорцев, чувашей, якутов, турок (*Гаген-Торн*, 1960. С. 85–98; *Суслова*, 1980. С. 43–45; *Серебрякова*, 1989. С. 168; *Шитова*, 1995. С. 103–104, 108–114; *Завьялова*, 1996. С. 66, 107; Этнотерриториальные группы..., 2002. С. 194–196, 198–200; *Михайлова*, 2005. С. 66–67, 101; *Руденко*, 2006. С. 155–160). Часть из них носилась под плечевой одеждой, но большинство — сверху. В качестве отделки применялись вышивка, аппликации, монеты, бисер, перламутр, жемчуг, кораллы, янтарь.

Нагрудники были известны финно-уграм и славянам (*Гаген-Торн*, 1960. С. 84–85, 94–95, 98; *Шлыгина*, 1986. С. 219; *Молотова*, 1992. С. 45; *Михайлова*, 2005. С. 86–87; *Бобрихин*, 2006. С. 100; *Кислуха*, 2006. С. 264)[6]. Некоторые народы (например, русские, якуты, ханты, нганасаны, узбеки, туркмены) заменяли нагрудники украшениями из множества цепочек, низок бус либо полосок ровдуги, создававших впечатление единой ажурной лопасти (*Сухарева*, 1982. С. 108, 114; *Михайлова*, 2005. С. 19–28, 58–60; *Кислуха*, 2006. С. 28–29, 67, 87).

Необходимо упомянуть отмеченную этнографами тесную связь нагрудных и шейных элементов костюма. Нередко эти предметы состыковывались вместе, превращаясь в единое изделие, закрывавшее шею и грудь женщины (*Гаген-Торн*, 1960. С. 91–97; *Сухарева*, 1982. С. 105–108; *Шлыгина*, 1986. С. 219; *Серебрякова*, 1989. С. 166; *Молотова*, 1992. С. 44; *Шитова*, 1995. С. 115–116; *Михайлова*, 2005. С. 20–23, 45–46, 53, 58–61, 66, 86, 88). В перечисленных выше археологических памятниках тоже улавливается комплектность шейных и нагрудных деталей наряда. Так, у похороненных женщин вместе с нагрудниками фигурировали бусы и золотая пластинчатая гривна (Суглуг-Хем I, сруб № 25), а также деревянная модель гривны (Уландрык IV, курган № 2). В кургане же на Догээ-Баары на шее погребенной, скорее всего, находились бусы из сердоликов, бирюзы и стекла.

Символический смысл элементов костюма устанавливается на основе этнографических материалов. Как показывает обзор высоких женских уборов, их общим отличительным признаком была жесткость. Стремление сделать конструкцию особенно прочной можно объяснить верованиями, по которым тело женщины с наступлением фертильного возраста начинало «твердеть», причем «отвердевала» и ее голова (*Гаген-Торн*, 1960. С. 190; *Чеснов*, 1998. С. 313–314). Это перекликается с тем, что подавляющее большинство уборов входило в костюмы невест и молодух.

Во многих традиционных культурах большое значение придавалось макушке или темени женщины. Именно поэтому девичьи шапки и женские свадебные уборы нередко имели сверху отверстие, накладки либо яркую вышивку. Это объясняется тем убеждением, что через макушку в молодую женщину проникает благодатная потусторонняя сила, позволяющая ей забеременеть (*Чеснов*, 1998. С. 220–221, 229; *Попова*, 2002. С. 139; *Трощанский*, 2012. С. 76). Возможно, в древности пропускание косы или пряди сквозь отверстие в уборе указывало на наступление нового этапа в жизни женщины — способности к деторождению.

Следует подчеркнуть, что высокие головные уборы часто несли на себе орнитоморфную символику. В мифологическом сознании сам женский образ ассоциировался с птицей (*Фрэзер*, 1984. С. 177, 391–392, 468;

6 Особый вариант представляли «тунгусские» нагрудники, изготавливавшиеся из шкур или ровдуги. Кроме тунгусоязычных народов, их использовали кеты, селькупы, энцы, нганасаны, якуты, юкагиры, нанайцы, ульчи, причем не только женщины, но и мужчины (*Василевич*, 1949. С. 42–44, 56, 58).

Чеснов, 1998. С. 222–230, 307–309), а шапки подчеркивали это особо. Показательны названия некоторых уборов: «кокошник» у русских, «крылатый чепец» у немцев, «летящая шапка» у тувинцев, «птичий гребень» у ингушей. Археологические находки демонстрируют ту же связь. На головном уборе из Аржана-2 размещалась золотая эмблема в виде стилизованной головы хищной птицы, а пазырыкские «парики» декорировались птичьими фигурками. Вполне возможно, что и убор с Догээ-Баары тоже имел нечто подобное, например султанчик из перьев.

Особую роль в традиционной культуре играли женские прически. Они отмечали возрастные изменения женщины: вступление в девичество, совершеннолетие, выход замуж, рождение ребенка, приход старости. Часто эти перемены отражались в количестве кос женщины. Так, девушки носили волосы распущенными или заплетенными в одну либо множество косичек. Выходя замуж или став матерями, они заплетали обычно две косы (*Сухарева*, 1982. С. 94–95; *Михайлова*, 2005. С. 95, 97–98, 100–102). К тому же вступление в брак требовало от женщины тщательно скрывать волосы под головным убором (*Гаген-Торн*, 1960. С. 141–145)[7]. Не вызывает сомнения, что у представительниц мира древних кочевников сложные прически (переплетенные косы, «парики», шиньоны и ложные косы) отмечали их конкретный социальный статус.

Символическая и культурная роль головных уборов и нагрудников во многом совпадала. Одной из их важнейших функций являлась магическая защита владелицы от зловредных сверхъестественных сил. Многие народы верили в существование у человека нескольких душ-сущностей и наличие специальных мест концентрации жизненных сил. Наиболее часто выделялись такие зоны человеческого тела, как голова/волосы, шея/горло, грудь/сердце (*Фрэзер*, 1983. С. 176–179, 222, 280–281; *Тайлор*, 1989. С. 214–217; *Львова и др.*, 1989. С. 59–60; *Трощанский*, 2012. С. 76). Головные уборы и нагрудники позволяли женщине на ответственном этапе жизни противостоять негативному воздействию потустороннего мира.

Немаловажное значение имело цветовое решение костюма. В женских нарядах, особенно свадебных, часто фигурировал красный цвет. Считается, что он символизировал плодородие, расцвет жизненных сил (*Сухарева*, 1982. С. 25; *Маслова*, 1984. С. 41; *Серебрякова*, 1989. С. 164, 168; *Чеснов*, 1998. С. 212). Видимо, в костюме женщины, погребенной на Догээ-Баары, тоже преобладали красные оттенки. Это подтверждают фрагменты красного лака, некогда покрывавшего ее пояс и, возможно, нагрудник.

Не всегда высокий головной убор и нагрудник носились одновременно, но известен ряд народов, у которых они составляли комплект, например, мордва, чуваши, марийцы, удмурты, казахи, татары, русские, белорусы (*Гаген-Торн*, 1960. С. 39, 46, 178, 180–85, 193–194, 201–202; *Суслова*, 1980. Рис. 25, 26, 27а; *Романюк*, 1981. Ил. 288–289, 294–295; *Молотова*, *Соснина*, 1984. Ил. 117, 172; *Молотова*, 1992. С. 56–57). Оба предмета нередко входили в наряд невесты. Однако, пожалуй, чаще они служили маркером социальных групп, разных по статусу, но близких по возрасту — сексуально созревших девушек, молодух, женщин, родивших первенца (*Гаген-Торн*, 1960. С. 86–87, 90, 97; *Серебрякова*, 1989. С. 168; *Шитова*, 1995. С. 183–184; *Михайлова*, 2005. С. 96–101, 109; *Руденко*, 2006. С. 156). Вероятно, в кургане Догээ-Баары была похоронена замужняя женщина-мать. Это подтверждает расположение скелетов в погребении: женский скелет лежал между мужским и младенческим. Близкая картина наблюдалась и в упомянутых выше археологических памятниках (Аржан-2; Суглуг-Хем I, сруб № 27; Суглуг-Хем II, сруб № 6).

Как следует из проведенного анализа, в кургане Догээ-Баары было совершено захоронение женщины, облаченной в многокомпонентный костюм. Он включал шапку, украшенную металлическими и каменными накладками, бусами, бисером, на верху которой располагался трубчатый накосник, возможно с плюмажем. С помощью двух пар булавок головной убор скреплялся со сложной прической, состоявшей из трех (?) кос, сплетенных друг с другом и поднятых вверх. Шею женщины украшали яркие бусы. Остаются невыясненными виды плечевой и поясной одежды. Вероятно, это были рубаха с длинной юбкой или штанами. У женщины имелся лакированный пояс с пятикольчатой пряжкой и раковиной каури, расшитый каменными бусинами. К поясу на двукольчатой пряжке крепились ремешки с подвешенными зеркалом, ножом, шилом и костяной трубочкой. Поверх плечевой одежды располагался полукруглый нагрудник, богато украшенный каменными бусинами. Во всем одеянии, должно быть, выделялся красный цвет (рис. 2).

Этот погребальный костюм соответствовал свадебному наряду, который также отмечал замужнюю представительницу древней кочевой культуры Тувы, родившую первенца и ставшую полноправной хозяйкой семейства.

7 Впрочем, это правило соблюдалось не везде. У некоторых народов Поволжья и Сибири женщины не прятали волосы, даже выйдя замуж.

Рис. 2. Костюм погребенной женщины (реконструкция). Республика Тыва. Могильник Догээ-Баары 2, курган № 33. Конец III–II в. до н.э. (рисунок А. В. Клеевой).

Fig. 2. Headdress of the buried woman (reconstruction). Republic of Tyva. Cemetery of Dogee-Baary 2, kurgan no. 33. Late 3rd–2nd century BC (drawing by A. V. Kleeva).

Литература

Антипина, 1962 — *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962.

Бобрихин, 2006 — *Бобрихин А. А.* Марийская народная одежда и вышивка // Народное искусство Урала. Традиционный костюм / ред.-сост. А. А. Бобрихин. Екатеринбург, 2006.

Василевич, 1949 — *Василевич Г. М.* Тунгусский нагрудник у народов Сибири // Сборник МАЭ. 1949. Т. XI.

Веселовский, 1915 — *Веселовский Н. И.* Современное состояние вопроса о «Каменных бабах» или «Балбалах» // Записки ИООИД. Одесса, 1915. Т. XXXII.

Гаген-Торн, 1960 — *Гаген-Торн Н. И.* Женская одежда народов Поволжья (Материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960.

Дашковский, Усова, 2011 — *Дашковский П. К., Усова И. А.* Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский Дол (Северо-Западный Алтай) // АЭАЕ. 2011. № 3 (47).

Додэ, 2008 — *Доде З. В.* К вопросу о боктаг // РА. 2008. № 4.

Ермоленко, 2004 — *Ермоленко Л. Н.* Средневековые изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск, 2004.

Завьялова, 1996 — *Завьялова М. К.* Татарский костюм: из собрания Государственного музея Республики Татарстан. Казань, 1996.

Зеленин, 1926, 1927 — *Зеленин Д. К.* Женские головные уборы восточных (русских) славян // Slavia. R. V. Praze, 1926–1927. № 2–3.

Киселев, 1951 — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Кисель, 2011 — *Кисель В. А.* Двадцатый год исследований на Вавилинском Затоне в Туве // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2011. Вып. 11.

Кислуха, 2006 — *Кислуха Л. Ф.* Народный костюм Русского Севера XIX – начала XX века в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». М., 2006.

Кубарев, 1987 — *Кубарев В. Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.

Курылев, 1998 — *Курылев В. П.* Казахский свадебный головной убор: к истории происхождения (По коллекции МАЭ) // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 1996–1997 гг. / отв. ред. В. П. Курылев. СПб., 1998.

Львова и др., 1989 — *Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск, 1989.

Мартынов, 1979 — *Мартынов А. И.* Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979.

Мартынов и др., 1985 – *Мартынов А. И., Кулемзин А. М., Мартынова Г. С.* Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего железа: Межвузовский сб. науч. ст. / отв. ред. Ю. Т. Кирюшин. Барнаул, 1985.

Маслова, 1984 — *Маслова Г. С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984.

Михайлова, 2005 — *Михайлова Е. А.* Съемные украшения народов Сибири // Сборник МАЭ. 2005. Т. LI.

Молотова, 1992 — *Молотова Т. Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992.

Молотова, Соснина, 1984 — *Молотова Л. Н., Соснина Н. Н.* Русский народный костюм. Из собрания Государственного музея этнографии народов СССР. Л., 1984.

Полосьмак, 2001 — *Полосьмак Н. В.* Всадники Укока. Новосибирск, 2001.

Попова, 2002 — *Попова Л. Ф.* Казахские женские свадебные головные уборы саукеле: опыт локальной классификации (по материалам РЭМ) // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв.: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Российского Этнографического музея. СПб.; Кишинев, 2002.

Романюк, 1981 — *Романюк М.* Белорусская народная одежда. Минск, 1981.

Руденко, 1953 — *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.

Руденко, 1960 — *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.

Руденко, 1962 — *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I. М.; Л., 1962 (САИ; вып. Д3-9).

Руденко, 2006 — *Руденко С. И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006.

Семенов, 2003 – *Семенов Вл. А.* Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб., 2003.

Серебрякова, 1989 — *Серебрякова М. Н.* О знаковой функции народного костюма (на примере невесты чепни в Турции) // Этнографическое изучение знаковых средств культуры / отв. ред. А. С. Мыльников. Л., 1989.

Студенецкая, 1989 — *Студенецкая Е. Н.* Одежда народов Северного Кавказа. XVIII–XX вв. М., 1989.

Суслова, 1980 — *Суслова С. В.* Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX в. Казань, 1980.

Сухарева, 1982 — *Сухарева О. А.* История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX – начало XX в.). М., 1982.

Тайлор, 1989 — *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. М., 1989.

Трощанский, 2012 — *Трощанский В. Ф.* Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. М., 2012.

Фрэзер, 1983 — *Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1984.

Чеснов, 1998 — *Чеснов Я. В.* Лекции по исторической этнологии: Учебное пособие. М., 1998.

Шлыгина, 1986 — *Шлыгина Н. В.* Архаические формы женской одежды води и ижоры // Древняя одежда народов Восточной Европы: Материалы к историко-этнографическому атласу / отв. ред. М. Г. Рабинович. М., 1986.

Шитова, 1995 — *Шитова С. Н.* Башкирская народная одежда. Уфа, 1995.

Этнотерриториальные группы..., 2002 — Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа / ред. тома Р. К. Уразманова, Н. А. Халиков. Казань, 2002.

Яценко, 2006 — *Яценко С. А.* Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М., 2006.

Čugunov u. a., 2010 — *Čugunov K., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz, 2010 (Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3).

В. А. Кисель

Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы

Статья посвящена реконструкции женского костюма, остатки которого были обнаружены в кургане уюкско-саглынской культуры конца III–II в. до н. э. в Туве (могильник Догээ-Баары 2, курган № 33). Удалось восстановить знаковые элементы этого наряда — высокий головной убор, нагрудник и пояс с подвесками (рис. 1; 2).

На основании анализа сравнительного археологического и этнографического материала было сделано заключение о том, что костюм погребенной женщины соответствовал свадебному убранству представительницы кочевого мира. Костюм также отмечал замужнюю женщину, родившую первенца и ставшую полноправной хозяйкой семейства.

V. A. Kiseľ

Female ritual costume in the ancient nomadic culture of Tuva

This paper is devoted to a reconstruction of a female costume the remains of which were found in a kurgan of the Sagly culture of the late 3rd and 2nd century BC in Tuva (cemetery of Dogee-Baary 2, barrow no. 33). It was possible to reconstruct the symbolic elements of this costume, viz. a high headdress, a pectoral dress and a belt with pendants (Fig. 1; 2).

Comparative analysis of the archaeological and ethnographic materials leads to the conclusion that the costume of the buried woman corresponded to the wedding decor of a representative of the nomadic world. The costume distinguished a married woman. She had born the first child and became a mistress of the family enjoying full rights.